

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ пятнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

21-го Августа 1877 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные *NV* Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1877 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 34.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, во Всемилостивѣй-
шемъ вниманіи къ положенію семействъ, члены коихъ при-
званы въ ратники ополченія на пополненіе рядовъ войскъ,
на основаніи Высочайшаго указа 10 іюля сего года, Высо-
чайше повелѣтъ соизволил: изъ числа призванныхъ рат-
никовъ всѣхъ тѣхъ, которые нынѣ подходятъ подъ условія
льготъ 1-го разряда, по семейному положенію, опредѣлен-
ныя въ ст. 45 уст. воин. повин. (пункты а, б, в. и г),
освободить по просьбѣ ихъ отъ призыва.

Поэтому, желающіе воспользоваться таковою Высочай-
шею милостію обязаны сами, или родители ихъ, немедленно
явиться объ этомъ виленскому городскому по военной по-
винности присутствію.
(Вил. Вѣст.)

Мѣстныя Распоряженія.

О созваніи епархіальнаго съѣзда.

Вслѣдствіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ
16 августа на представленіи ректора Литовской семинаріи
Архимандрита Августина о необходимости созванія епар-
хіальнаго съѣзда духовенства, въ виду близкаго окончанія
6 лѣтняго срока службы членовъ правленія семинаріи отъ
духовенства, протоіереевъ: Виктора Гомолицкаго, Андрея
Кургановича и Іоанна Котовича, Литовская консисторія,
съ утвержденія Его Высокопреосвященства, сямъ объявляетъ
духовенству Литовской епархіи къ исполненію, сообразно
существующимъ правиламъ, что мѣстомъ предстоящаго епар-
хіальнаго съѣзда назначается городъ Вильна, а временемъ
25 Октября сего 1877 года.

(Къ свѣдѣнію оо. благочинныхъ).

Литовская духовная консисторія слушала отношеніе Ви-
ленскаго мѣстнаго управленія общества попеченія о раненыхъ
и больныхъ воинахъ отъ 6 Августа за № 232 слѣд. со-
держанія:

На отношеніе, отъ 22 Іюля сего года, за № 6242,
мѣстное управленіе имѣетъ честь сообщить консисторіи, что
приложенный къ тому отношенію списокъ благочиннымъ Ли-
товской епархіи препровожденъ при отзывѣ, отъ 24 ми-
нувшаго Іюля за № 220, въ С.-Петербургъ въ редакцію
журнала „Вѣстникъ Народной Помощи“ для высылки имъ
требуемаго числа экземпляровъ этого журнала.

При этомъ Мѣстное Управленіе имѣетъ честь покор-
нѣйше просить консисторію предложить вышеупомянутымъ
благочиннымъ, по мѣрѣ успѣха распродажи журнала, обра-
щаться съ просьбами о высылкѣ дальнѣйшихъ номеровъ
прямо въ редакцію журнала „Вѣстника Народной Помощи“
въ С.-Петербургъ.

Приказали: Объявить о семъ благочиннымъ чрезъ Литов-
скія Епархіальныя Вѣдомости.

— Назначенія. 7 августа, вакантное мѣсто псалом-
щика при Волковской церкви предоставлено б. и. д.
псаломщика при Андроновской церкви Петру Кузьмицкому.

— 13 Августа, вакантное мѣсто настоятеля Новоель-
мянской церкви, Слонимскаго уѣзда, предоставлено учителю
народнаго училища Ивану Честному.

— Перемѣщенія. 13 августа, на вакантное мѣсто
настоятеля Говѣйновичской церкви перемѣщенъ, согласно
прошенію, настоятель Новоельмянской церкви, Слонимскаго
уѣзда, Стефанъ Паевскій.

— 16 Августа, на вакантное мѣсто настоятеля въ с.
Бесадахъ перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Бле-
начской церкви Павелъ Мусниковъ.

— 13 Августа уволенъ, согласно прошенію, отъ дол-
жности столоначальника и отъ службы въ Литовской кон-
систоріи, губернской секретарь Владиміръ Смирновъ.

Мѣстныя Извѣстія.

— 13 Августа, въ Пожайскомъ монастырѣ преосвя-
щеннѣйшимъ Владиміромъ, епископомъ Ковенскимъ, руко-
положенъ во священника къ Ильской церкви Викентій
Жельзовскій.

— **Святотатство.** Намъ сообщаютъ о слѣдующемъ прошествіи:

Друйскій благочинный Юліанъ Василевскій сообщилъ пристапу 2 стана Дисненскаго уѣзда, что, въ ночь съ 26 на 27-е число іюля, во вѣренной ему Богиньской Свято-Покровской православной церкви изъ сборной кружки похищено неизвѣстное количество денегъ, чрезъ отпертую, боковую у ризницы, дверь; подозрѣнія въ кражѣ ни на кого не имѣть, и церковное имущество все въ цѣлости.

Дознаніе производится.

(Вил. Вѣст.)

— **Вахансіи—Настоятеля—при Гвозницкой ц.** Брестскаго уѣзда, въ с. *Замошь* Дисненскаго уѣзда, и въ с. *Клепачахъ* Волковыскаго уѣзда. **Священника—Помощника настоятеля—Цсаломщниковъ:** въ с. *Портьчъ*—Дисненскаго уѣзда, и въ *Подберезь* Виленскаго уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

С Ж О В О

въ день успенія Пресвятыя Богородицы, сказанное **Высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ, въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ, 15 августа 1877 года.**

Чудо чудесъ, Благодатная, въ Тебѣ зрящи, тварь радуется. Богородицень, гласъ 1.

Успеніе Пресвятыя Богородицы есть предѣлъ, которымъ окончилась Ея земная жизнь и съ котораго началась Ея жизнь небесная. У этого-то священнаго предѣла стоимъ мы нынѣ мыслию и чувствомъ, торжественно воспоминавая успеніе Пречистой и Преподобной, и нашему благоговѣйному взору сама собою представляется, съ одной стороны, Ея жизнь земная, а съ другой—небесная. Что же мы видимъ, братіе, въ той и другой, какъ не одинъ, непрерывный и нескончаемый, рядъ чудесъ?

Зачатіе и рожденіе Богородицы—чудо. Она родилась отъ св. праведныхъ Іоакима и Анны, которые до глубокой старости были неплодными, и родилась единственно, какъ благословенный плодъ ихъ живѣйшей вѣры, ихъ пламенныхъ молитвъ, ихъ сердечнаго и непоколебимаго объята посвятить Ею на служеніе Богу. Ея воспитаніе—чудо. Едва исполнилось Ей три года, какъ родители привели Ее въ іерусалимскій храмъ и оставили при храмѣ. И тамъ, незримо для людей, но подъ особеннымъ смотрѣніемъ Всевидящаго и при Его благодатной помощи, Она, втеченіе десяти лѣтъ, успѣла возрасти въ нравственное чудо, достигла такой необычайной высоты святости и чистоты, что удостоилась вскорѣ содѣлаться матерію, по плоти, едиnorodнаго Сына Божія. Благоговѣніе Ей архангела—чудо. Чудно было самое явленіе небснаго вѣтника; чудно самое благовѣстіе, что отъ Нея, дщери человѣческой, родится Сынъ Божій, но не чудно ли и то, что чистая Дѣва, давшая обътъ всегдашняго дѣвства,

могла повѣрить такому изумительному благовѣстію и сказала: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему?* Зачатіе и рожденіе Ею, по плоти, Сына Божія, нашего Господа и Спасителя—величайшее чудо. Духъ Святый нашель на Нее и сила Вышняго освѣтила Ее, и Она зачала и родила Богочеловѣка сверхъестественно, пребывая, какъ до рождества Его, такъ и въ рождествѣ и послѣ рождества, совершеннѣйшею Дѣвою. Вся послѣдующая Ея земная жизнь—одно постоянное нравственное чудо. Она, удостоившаяся быть Матерію Господа, Царя неба и земли, жила на землѣ въ бѣдности и неизвѣстности, терпѣла всякаго рода лишенія и пужды; Она видѣла Сына своего и Бога въ крайнемъ униженіи, видѣла Его поруганнымъ и умаленнымъ болѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ, видѣла Его крестныя страданія, Его позорнѣйшую смерть,—и все это переносила съ глубочайшимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ, съ непостижимою преданностію волѣ Божіей. И даже тогда, какъ Ея возлюбленный Сынъ воскресъ, вознесся на небеса и вошелъ въ славу свою, Она продолжала еще немалое время оставаться на землѣ въ своей скромной долѣ, съ тѣмъ же смиреніемъ, съ тою же покорностію Богу. Наконецъ, самая Ея смерть, которая, по справедливости называется только успеніемъ, окруженная столькими чудесами, была истиннымъ чудомъ: потому что на третій день Ея пречистое тѣло взято было на небо и вновь соединилось съ Ея пречистою душою; за Ея смертію послѣдовало Ея воскресеніе и вознесеніе.

Съ началомъ небесной жизни пресв. Богородицы начались новыя чудеса, и эти чудеса были естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ, которыя совершились въ Ея жизни земной. Она явилась въ міръ горній не только какъ святѣйшая изъ дщерей человѣческихъ, но и какъ, по истинѣ, Матерь Божія, и потому явилась тамъ высшею всѣхъ силъ небесныхъ, всѣхъ ликомъ ангельскихъ, чистѣйшею даже херувимовъ и славнѣйшею серафимовъ, которыя занимаютъ первыя степени небесной іерархіи. Она удостоилась тамъ такой чести и славы, какія никогда не были доступны ни одному изъ сотворенныхъ существъ, и, благодатию Сына своего и Бога, содѣлалась царицею и владычицею неба и земли. Предъ Нею благоговѣютъ, Ей поклоняются и служатъ самыя высшія, премірныя духи. И это чудо, отъ начала вѣковъ невиданное въ горнемъ мірѣ до появленія въ немъ пресв. Богородицы, продолжается и будетъ продолжаться тамъ во вѣки вѣковъ. Вознесшись, по успеніи своемъ, душою и тѣломъ на небеса и превознесенная тамъ надъ всѣми небожителями, пресв. Богородица не оставила своею любовію и милолюбиваго. Напротивъ, Она явилась тамъ, предъ престоломъ Вседержителя, какъ Матерь Божія, самую первую и самую могущественною молитвенницею и заступницею за всѣхъ насъ, грѣшныхъ, и вотъ, втеченіе почти уже девятнадцати вѣковъ не перестаетъ изливаться свои чудесныя благодѣянія на всѣхъ земнородныхъ, притекающихъ къ Ней съ вѣрою. Если бы нужно было, мы могли бы привести здѣсь изъ исторіи церкви, особенно нашей отечественной, множество примѣровъ, какъ во дни великихъ народныхъ бѣдствій, когда оказывались слабыми и недостаточными для спасенія всѣ усилія человѣческія, послашала къ бѣдствовавшимъ съ своею сверхъестественною помощію наша небесная Покровительница, какъ избавляла Она, своими молитвами, царства и народы, грады и веси отъ нашествія иноплеменниковъ и междоусобной брани, отъ наводненій и землетрясеній, отъ пожаровъ и смертоносныхъ повѣтрій. Не ограничиваясь только этими чрезвычайными явленіями своей милости, повторяющимися по

временамъ, Матерь Христа Бога нашего, содѣлавшаяся Матерію и всѣхъ, вѣрующихъ въ Него, благоволила и постоянно пребывать посреди насъ, съ своею помощію, въ своихъ чудотворныхъ, иконахъ. Вы знаете, что тысячи этихъ св. иконъ разсыпаны по всему христіанскому міру и особенно въ нашемъ благословенномъ отечествѣ, и что всѣ эти иконы суть какбы протоки божественной благодати, изливающейся на землю по предстательству пресв. Богородицы; знаете, что у этихъ чудотворныхъ иконъ совершались и совершаются безчисленныя чудесныя врачеванія всякаго рода болѣзней, тѣлесныхъ и духовныхъ, и что здѣсь, по мѣрѣ своей вѣры, находили и находятъ для себя благодатное утѣшеніе, ободреніе и подкрѣпленіе всѣ труждающіеся и обремененныя, всѣ бѣдствующіе и скорбящіе. Представляя Собою величайшее чудо посреди міра ангельскаго, пресв. Богородица не престаётъ наполнить и земной міръ своими чудесными благодѣяніями.

Чудо чудесъ, Благодатная, съ Тебѣ зрящи, творь радуется, взываемъ мы, братіе, вмѣстѣ съ св. церковію. И, дѣйствительно, первое чувство, какое естественно намъ при размышленіи о чудесахъ, изъ которыхъ слагается вся жизнь Богоматери, земная и небесная, есть чувство живѣйшей радости. Ибо для кого же совершались и совершаются всѣ эти чудеса, какъ не для насъ, не для нашего спасенія и блага? Потому—то мы и празднуемъ и торжествуемъ всѣ важнѣйшія событія въ жизни Богородицы: дни Ея зачатія, рождества, введенія во храмъ, благовѣщенія, успенія и другіе, такъ же дни особенныхъ Ея благодѣяній, дни явленія Ея чудотворныхъ иконъ. Но кто жъ изъ насъ не сознаетъ, какъ естественно намъ, вмѣстѣ съ чувствомъ радости, при созерцаніи чудесъ Богородицы, и другія священнѣйшія чувства? Кто не видитъ, что средоточіемъ этихъ чудесъ послужило воплощеніе или рожденіе отъ Ней едиnorodнаго Сына Божія, нашего Спасителя, а всѣ другія чудеса были только или приготовленіемъ къ этому величайшему чуду или его послѣдствіями? Кто такъ же не разумѣетъ, что если едиnorodный Сынъ Божій изъ всѣхъ дочерей человѣческихъ избралъ Ее—пречистую Дѣву въ Матерь Себѣ, то избралъ, безъ сомнѣнія, ради ея чрезвычайныхъ нравственныхъ заслугъ, которыми Она превзошла всѣхъ земnorodныхъ, и что ради этихъ-то заслугъ Онъ содѣлалъ Ее и орудіемъ своихъ безчисленныхъ чудесъ, которыя совершалъ и совершаетъ въ Ней и чрезъ Нее для нашего спасенія? Да вознесутся же нынѣ отъ насъ, братіе, среди свѣтлаго нашего торжества въ честь успенія пресв. Богородицы, чувства глубочайшей и безпредѣльной благодарности какъ къ Нему, нашему Господу и Спасителю, такъ и къ Ней, пречистой Его Матери, удостоившейся послужить нашему спасенію, и не нынѣ только да вознесутся, но да возносятся и во всѣ другія празднества наши въ честь Ея, и во всѣ дни жизни нашей, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Р Ѣ Ц Ъ

Епископа Брестскаго Іаннуарія, по освященіи имъ новаго воинскаго оружія и по случаю выступленія частей 26-й пѣхотной дивизіи въ военный походъ.

По распоряженію военнаго начальства, 26-ая пѣхотная дивизія должна выступить частями изъ г. Гродно въ воен-

ный походъ, на южную границу Россіи, именно въ Унгени. Между тѣмъ войсками получено было новое оружіе. По сей причинѣ начальникъ дивизіи, Генералъ-Лейтенантъ, баронъ Э. К. Деллинсгаузенъ, просилъ Преосвященнаго Іаннуарія какъ освятить новое воинское оружіе, такъ и благословить войска въ путь. Вслѣдствіе сего Епископомъ Брестскимъ соборнѣ, съ духовенствомъ военнымъ, градскимъ и монашествующимъ, совершенно было 11-го числа сего Августа, въ 11-ть часовъ утра, наплацу впереди лагеря, за городомъ, по ту сторону рѣки Нѣмана, торжественное молебствіе. Сначала совершенно было водосвятіе, а потомъ—освященіе новаго воинскаго оружія. Послѣ молитвы и окропленія святою водою оружія, находившагося въ рукахъ воиновъ, совместно съ о. благочиннымъ дивизіи протоіеремъ Постниковымъ, епископъ сказалъ слѣдующую рѣчь къ воинамъ.

Христовозлюбленные воины!

Государь Императоръ даетъ вамъ новое лучшее оружіе. Святая церковь освящаетъ сіе оружіе молитвою и призываніемъ на него благословенія Божія. Вамъ предлежитъ теперь священный долгъ и не легкая обязанность употребить въ дѣло сіе новое оружіе.

Врагъ, съ которымъ вамъ придется имѣть дѣло, есть врагъ креста Христова и церкви Христовой. А вы идете на защиту сего креста и къ заступленію церкви христовой. Посему *мужайтесь и да крепится сердце ваше, и уповайте на Господа!*

Крестоненавистный врагъ сей, никому не даетъ пощады, ни больнымъ лежащимъ на одрѣ, ни безоружнымъ, ни даже врачамъ, обязующимъ ему самому раны. Но вамъ такъ поступать неслѣдуетъ. Лежачаго небьютъ, безоружныхъ нетрогаютъ, а врачи—общіе благодѣтели рода человѣческаго.

Противъ крестоненавистнаго врага сего имѣйте крестъ Христовъ въ умѣ и сердцѣ своемъ, а оружіемъ, даннымъ вамъ, дѣйствуйте какъ слѣдуетъ. Крестъ оружіе непобѣдимое, вобраннѣхъ врагамъ страшное, а христіанамъ непостыдное. И ваше воинское оружіе, освящаемое и благословляемое крестомъ христовымъ, будетъ сильно противъ супостатовъ, и они падутъ отъ него предъ вами, будутъ предъ лицомъ вашимъ яко прахъ предъ лицомъ вѣтра, и Ангель Господень сильный да будетъ оскорбляя и погоняя ихъ. Посему *побѣждайте врага вашего, упоая на Господа, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.*

Теперь же, христовозлюбленные воины, когда вамъ предлежитъ не малый и не легкій пройти путь до мѣста вамъ назначеннаго, откуда вамъ приходится совершить, можетъ быть, еще новый путь къ мѣсту военныхъ дѣйствій,

помолимся Господу Богу—истинному и живому пути, общею нашею молитвою, чтобы Богъ сохранилъ васъ невредимыми во время путешествія вашего и избавилъ васъ отъ всякаго злаго обстоянія, препроводилъ васъ до мѣста вашего назначенія въ мирѣ, здравіи и всякомъ благополучіи, и возвратилъ васъ паки къ намъ здоровыми и безмятежными, дабы, какъ теперь мы препровождаемъ васъ съ молитвою къ Богу и упованіемъ на Его милость къ намъ, такъ и тогда встрѣтили бы васъ съ радостію и благодареніемъ Господу Богу Спасителю нашему. Аминь“.

Послѣ рѣчи было отправлено молебствіе въ благословеніе путешествующихъ воиновъ съ возгласеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому и христіюлюбивому воинству, которому (воинству) потомъ Епископъ преподаль благословеніе, съ осѣненіемъ животворщимъ крестомъ на всѣ стороны, по расположенію войскъ, словами святыхъ церкви: *да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и узрите благая Іерусалима, во вся дни живота вашего и да исправитъ путь вашъ въ миръ, въ славу святаго Своего имени, аминь.*

г. Гродно
11 Августа 1877 года.

Протоіерей Андрей Софоновичъ Червяковскій.

VII.

Жизнь о. Андрея послѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковью: въ Ошмянахъ, Кобринѣ, Пружанахъ; 1863 годъ; военное положеніе и пріѣзжіе чиновники; время пожаровъ; окончаніе благотворительной дѣятельности о. Андрея; слабыя связи его съ обществомъ; дѣятельность его въ качествѣ приходскаго священника.

Оставивъ жену въ Кошарахъ у ея родителей, въ 1841 году о. Андрей отправился въ г. Ошмяны Виленской губерніи—мѣсто новаго его назначенія. Спустя около года, онъ возвратился въ Кошары, забралъ семейство (жену и пятеро дѣтей) и окончательно переселился въ Литву. Въ Ошмяны о. Андрей перевелся просто настоятелемъ, а не благочиннымъ, что было вполне разумно, такъ какъ для того, чтобы быть благочиннымъ, не мѣшало предварительно ознакомиться съ людьми и страной. Такимъ образомъ, послѣ благотворительныхъ трудовъ эпохи преобразованія униі, о. Андрею привелось, дѣйствительно, отдохнуть, но не на Кременецкомъ холмѣ, среди роскошной природы малороссіи, а въ низменной и болотной Литвѣ. Тихо, ровно потянулась тутъ его жизнь. Его дѣятельная натура находила себѣ пищу въ заботахъ о постройкѣ новой деревянной церкви и въ занятіяхъ книжныхъ. Хозяйства тутъ не было, такъ какъ земли при Ошмянской церкви не полагалось. Общество было весьма небольшое и смѣшанное русско-польское. Въ 1847 г., послѣ посѣщенія г. Ошмянъ преосвящ. Платономъ, настоятелю Ошмянскому объявлена признательность Литовскаго архіепископа за устройство Ошмянской церкви и прихода и въ тоже время онъ назначенъ благочиннымъ на мѣсто престарѣлаго протоіерея Мартина Станкевича. Выходитъ, что коцуба снова появилась на сцену, когда съ наступленіемъ 1848 г. помрачился политическій горизонтъ. Назначеніе новаго благочиннаго сопровождалось въ средѣ мѣстнаго духовенства преувеличенными слухами о его грозномъ прошломъ. Въ слѣдственныхъ дѣлахъ, говорятъ, онъ былъ всегда безпристрастенъ и неумытно строгъ, но не смотря на свою опытность, самъ попадалъ иногда въ западню, подставленную ловкою интригой. Такъ, напримѣръ, одна знакомая дама сообщаетъ о. благочинному, что видѣла собственными-моль глазами, что на кладбищѣ раскапывали для чего-то такую-то могилу; о. благочинный удивляется и высказываетъ сомнѣніе; его убѣждаютъ въ несомнѣнной достовѣрности факта. Дѣлать нечего,—наводятся справки, начинается дѣло; но тутъ дама оказывается ничего знать—не знающею и вѣдать—не вѣдающею, и благочинный попадаетъ въ весьма неловкое положеніе. 1848 г. прошолъ безъ особенныхъ приключеній; закрыть только одинъ костель. Въ этомъ году о. Андрей удостоился получить отъ архіепископа Іосифа въ подарокъ его слова и рѣчи съ собственноручною надписью: „Доброму служителю православной церкви отъ А. Іосифа 1848 г.“. Въ 1849 г. о. Андрей получилъ наперсный синодальный крестъ, а въ слѣдующемъ перемѣстился въ г. Кобринь. Причина перемѣщенія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что Ошмянскій приходъ былъ весьма малъ и не богатъ; кромѣ небольшого жалованья здѣсь не представлялось настоятелю другихъ источниковъ содержанія; Кобринь же представлялъ собою гораздо болѣе благодарное мѣсто. Въ Кобринѣ о. Андрей поступилъ благочиннымъ и оставался въ семь званіи въ теченіи всего 10-ти лѣтънаго своего пребыванія въ этомъ городѣ. Въ Кобринѣ жизнь о. Андрея шла также довольно тихо и сѣро. Были, впрочемъ, у него столкновенія съ мѣщанами изъ-за мелкихъ измѣненій обычая, напримѣръ, изъ-за уничтоженіе въ церкви цеховыхъ значковъ членовъ братства. Это показывало, что въ о. Андреѣ еще не умерла старая повадка переустроить, очищать остатки униі. Въ 1861 г. о. Андрей переселился изъ Кобриня въ Пружаны. Эти частыя перемѣщенія показываютъ, что оторвавшись отъ своей родины и родни и отъ родины жены, въ увлеченіи преобразовательною дѣятельностію отъвернувшись отъ главныхъ элементовъ мѣстнаго общества и не имѣя болѣе чего преобразовывать, о. Андрей все болѣе и болѣе терялъ изъ подъ ногъ живую, реальную почву, все болѣе и болѣе становился челоѣкомъ не отъ міра сего, что особенно стало замѣтно сказываться въ Кобринѣ и Пружанахъ. Въ лучшіе годы своей жизни всю душу свою положилъ о. Андрей на хлопотливую дѣятельность по переустройству храма и обряда, и теперь, когда все было кончено, ему словно чего не доставало. Кругомъ все измѣнилось; между священниками не встрѣчалось почти сверстниковъ и однокашниковъ; напротивъ почти всѣ они вышли изъ Жировицкой или Виленской, уже православной, семинаріи и, естественно, отличались инымъ духомъ, иными взглядами и инымъ направленіемъ, сравнительно съ о. Андреемъ. Они не знали и мало понимали его, ибо не видѣли его на поприщѣ той дѣятельности, которой онъ посвятилъ лучшую часть жизни, а разсказывать о своемъ прошломъ онъ не любилъ, да и вообще не отличался говорливостію. Оставалось еще наперечь нѣсколько стариковъ; но они сидѣли по своимъ угламъ и также мало принимали участія въ общественной жизни.

О. Андрей неизбежно чувствовал съ невольноту содержания жизни или пѣкоторую пустоту (я, если съ грѣха его не было занято постоянными хлопотами по обшрному приходу и по благочинію; онъ, по старому, оставался неизмѣнно добръ, энергиченъ и дѣятеленъ. Но, конечно, въ минуты отдыха и досуга, когда онъ оставался наединѣ съ собою и свободно мыслью сопоставлялъ настоящее съ прошедшимъ, онъ долженъ былъ испытывать до пѣкоторой степени чувство недовольства жизнью въ томъ видѣ, какъ она являлась передъ нимъ. Въ обществѣ незамѣтно, но неизмѣнно, во все время съ 1831 г., совершался процессъ разложенія. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивалась пропасть, отдѣляющая духовенство, какъ представителя мѣтнаго русскаго общества, отъ помѣщиковъ и шляхты, т. е. представителей образованія и общественной силы, безраздѣльно господствовавшихъ въ краѣ въ эпоху Виленскаго университета; чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе и слабѣе становились проявленія польской интеллигентной силы въ общей сферѣ мѣтнаго общества, но на мѣсто этой умирающей общественности не выступала еще другая, русская, и даже неяснымъ казалось, съ чѣмъ, для чего и какъ могла бы она выступить здѣсь. Ее можно было видѣть развѣ въ русскаихъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ, проникавшихъ сюда заодно съ польскими, но русская печать въ ту пору, хотя и обнаруживала пѣкоторое оживленіе, но все напоявъ отрицала и осмѣивала, не исключая и самой себя... Крестьянство и русское мѣщанство по старому оставалось неподвижнымъ и не правоспособнымъ къ участию въ общественной жизни; еврейство—равнымъ образомъ. Вездѣ и во всемъ замѣчалась рознь, недостатокъ товарищественной солидарности, общественная чуждость, отсутствіе цѣльности и здоровой полноты. Можно ли было удовлетворяться такою картиною разрушенія человѣку, прожившему 5½ десятковъ и видѣвшему советъ иную жизнь? могъ ли онъ не замѣчать измельчанія людей и вырожденія общества, и не замыкаться все болѣе и болѣе въ кругу своей семьи и своей приходской и благочиннической дѣятельности? могло ли не вырваться у него повременамъ полное горечи и презрѣнія восклицаніе: „что за люди! что за правы! что за вѣкъ!“

Но вотъ, наконецъ, обнаружился крупный результатъ процесса общественнаго разложенія: произошло небывалое и неожиданное измѣненіе и перемѣщеніе элементовъ общества, —освобождены отъ крѣпостной зависимости крестьяне, и гонимая шляхта очутилась до пѣкоторой степени уравненной въ правахъ съ подлымъ быдломъ,—данъ намекъ на возможность въ краѣ не только обособленнаго русскаго церковнаго общества, но и общества національно-русскаго. Русское мужицкое государство, въ естественномъ ходѣ своего развитія, сдвинуло съ мѣста самую основу польской общественности, остававшуюся нетронутою отъ временъ существованія панской рѣчи посполитой, и въ общественногосударственной сферѣ неминуемо должно было произойти явленіе паденія польскаго общественнополитическаго строя. Произошло польское возстаніе, начались демонстраціи, пошли въ ходъ подметныя письма, развилась система устраниенія и террора въ отношеніи къ представителямъ русскаго общества. Не многіе изъ духовенства чувствовали себя въ эту пору такъ плохо, какъ чувствовалъ о. Андрей, ибо не многіе такъ ясно, такъ—можно сказать—непосредственно понимали, что такое происходитъ, и не многіе могли чувствовать себя сколько нибудь причастными отвѣтственными за то, что происходитъ; о. Андрей же понималъ и чувствовалъ это...

Невольно вспоминался ему и Виленскій университетъ и Іоаннъ Красовскій, и 1831 годъ, и эманципаціи униі отъ латинства, и Романовское дѣло, и воссоединеніе съ православіемъ, и все это, при сопоставленіи съ эманципаціею крестьянъ и вновь произшедшимъ возстаніемъ польской шляхты, невольно рождало мысль, что продолжается все тотъ же общественнополитическій процессъ и что въ этомъ процессѣ и пощ—кощюба принималъ до пѣкоторой степени активное участіе... О. Андрей способенъ былъ ожидать всего худаго отъ возстанцевъ и не думалъ даваться живымъ въ руки враговъ. Сердитая собака служила часовымъ около дома, а вытасченная изъ кладовой длинная полоса желѣза должна была служить оборонительнымъ оружіемъ въ случаѣ нападенія непріятеля... Но опасенія о. Андрея, конечно, были преувеличены; онъ забывалъ, что живетъ не на Волыни, и что въ такомъ дробломъ, разлагающемся обществѣ, какъ то, среди котораго онъ жилъ, не могло быть прочной и отчетливой памяти о прошедшемъ и вполне яснаго сознанія настоящаго... О. Андрей мало сталкивался съ здѣшнимъ польскимъ обществомъ и его мало знали. Правда, онъ былъ предметомъ пѣсколькихъ подметныхъ писемъ и угрозъ поджога; но это относилось къ нему лишь какъ къ представителю мѣтнаго духовенства, а не какъ къ дѣятелю воссоединенія униатовъ съ православіемъ, такъ какъ объ этомъ успѣли уже забыть. Впрочемъ, при отсутствіи въ городѣ русскаихъ людей и войска, при совершенно польскомъ личномъ составѣ мѣтнаго управленія, увѣрявшаго начальника края, что въ городѣ все благонадежно и что присылка войска могла бы напрасно обременить мирныхъ его жителей, конечно, можно было всего опасаться при развивающемся религіознополитическомъ фанатизмѣ. Это былъ уже не 1831 г., когда униаты оставались въ сторонѣ и дѣйствующими лицами являлись только русская армія да польское общество и войско; столкнулись уже самые социальные элементы—шляхта съ католическимъ духовенствомъ, съ одной стороны и крестьянство съ духовенствомъ православнымъ, съ другой. Были такіе опасные моменты, когда о. Андрей, оставляя домъ, искалъ временнаго убѣжища у мѣщанъ или даже убѣжалъ изъ города, считая себя болѣе безопаснымъ въ деревнѣ, въ крестьянской избѣ и въ пути. О. Андрей сдѣлался въ это время страшно мнительнымъ и крайне мало спалъ; только въ молитвѣ и надеждѣ на Бога находилъ онъ себѣ успокоеніе. Когда же возстаніе окончилось безъ особеннаго несчастія, онъ сталъ теплѣть передъ иконою неугасимую лампаду, до самаго конца своей жизни.

Между тѣмъ продолжалось военное положеніе края. Польскіе городничіе и чиновники сошли со сцены и упрятались по угламъ, если не высланы въ далекіе края; появились военные начальники и русскія чиновники, въ томъ числѣ мировые посредники, члены повѣрочныхъ комиссій. На первыхъ порахъ русскіе чиновники нерѣдко являлись по отношенію къ духовенству православному и мѣщанамъ совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ русскіе добровольцы представились Сѣрбамъ въ прошломъ году. Извѣстно, что эти чиновники были тоже добровольцы своего рода, съ тою разницею, что между ними гораздо менѣе было людей пронибнутыхъ мыслью о серьезности своей задачи, чѣмъ между добровольцами. Для нихъ казались непонятною и крайне не симпатичною та сдержанность и политичность, которую они замѣчали у мѣстныхъ духовныхъ и вообще русскаихъ людей; наоборотъ, этимъ послѣднимъ не могла нравиться та простота, безцеремонность, широкая нравственная (если можно

такъ выразился) распахнутость и безпардонность, которую нерѣдко обнаруживали русскіе чиновники, тѣмъ болѣе что они позволяли себѣ иногда быть излишне притязательными, отыскивая полонизмъ въ сферѣ чисто-церковной, куда имъ не подобало вмѣшиваться. Мало того, пріѣзжіе чиновники непріятно были поражены тою независимостью и достоинствомъ, съ какими держалось духовенство въ обществѣ, такъ какъ этотъ фактъ находился въ противорѣчій съ тѣмъ, что они видѣли у себя на родинѣ, а пожалуй отчасти и съ тѣмъ отрицательнымъ направленіемъ, которое изъ литературы исподоволь проникало въ жизнь. Мѣстные же духовные люди не могли переварить, какъ это иные русскіе образованные люди, представители культуры и православія, живутъ не по закону, водятся съ жидовками, бражничаютъ, мотаются и становятся, не смотря на свои хорошія средства, жертвою еврейской спекуляціи. Все это вмѣстѣ взятое служило источникомъ недоразумѣній между мѣстными и пріѣзжими русскими. Но болѣе серьезная причина несогласія между ними заключилась въ дѣйствительномъ полонизмѣ священническихъ семействъ и преимущественно въ польскомъ языкѣ, бывшемъ въ ходу. Въ Пружанахъ происходило въ этомъ отношеніи, тоже, что и въ другихъ мѣстахъ края. Какъ же относился ко всему этому о. Андрей? Съ пріѣзжими русскими людьми ему не совсѣмъ легко было сходиться; если онъ не замѣчалъ въ нихъ религіозности или видѣлъ нѣкоторую распущенность рядомъ съ притязаніемъ на высокое образованіе, то не хотѣлъ съ ними и дѣла имѣть, какъ съ людьми, позорящими русское общество и православную вѣру, даже какъ съ безбожниками. Вмѣшиваться въ церковный обрядъ или устройство онъ также не склоненъ былъ имъ позволить: это была его, такъ сказать, историческая специальность и, конечно, для него было бы обидно допустить поправлять себя въ этомъ заѣзжими людямъ... „Пусть они не забываютъ,—говорилъ онъ съ обычною строгостью—что когда мы воссоединились съ православною церковью, то намъ дозволено было сохранить кое-какія мѣстныя особенности; мы сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько были обязаны сдѣлать, хотя, конечно, не всякому это извѣстно“. Но при всемъ томъ о. Андрей былъ весьма терпимъ въ внѣшнихъ сношеніяхъ съ пріѣзжими русскими людьми и старался съ своей стороны сдѣлать все, что считалъ справедливымъ для нѣкотораго, хотя и пассивнаго, сближенія съ пріѣзжими. Польскій языкъ безповоротно изгнанъ изъ употребленія въ его домѣ; но при этомъ о. Андрей не сталъ въ домашнемъ обиходѣ употреблять чистый русскій языкъ, а мѣстный русскій, на какомъ говорятъ Пружанскіе мѣщане, не потому чтобы не достаточно владѣлъ книжнымъ русскимъ языкомъ: онъ объяснялся и писалъ на немъ совершенно свободно, еще будучи на Волини,—а потому, что считалъ недостойнымъ вдругъ перенимать рѣчь, навязываемую извнѣ, а не проложившую себѣ пути въ семейства мѣстныхъ людей независимо отъ требованія правительства, или не избранную этими людьми по ихъ личному свободному почину; но само собою разумѣется, что съ русскими людьми о. Андрей объяснялся чисто по русски, вовсе не желая ссориться съ ними. Былъ, впрочемъ одинъ пунктъ, на которомъ онъ не могъ съ ними сойтись: это обращеніе къ православію при помощи свѣтской администраціи. Присылаютъ къ о. Андрею партію воссоединяемыхъ, для увѣщанія; о. Андрей спрашиваетъ ихъ, желаютъ-ли они присоединиться къ православію; получивъ въ отвѣтъ изъясненіе несогласія ихъ на это, о. Андрей не считалъ уже нужнымъ много толковать съ ними и отпускалъ

ихъ съ миромъ; начальству же докладывалъ, что онъ не въ состояніи убѣдить этихъ католиковъ сдѣлаться православными. Хотя онъ не высказывалъ рѣзко и пряже своего расположенія къ подобнымъ обращеніямъ въ православіе, тѣмъ не менѣе это было ясно: обращеніе католиковъ (но не униатовъ) въ православіе на томъ основаніи, что они нѣкогда были православными—о. Андрей считалъ посягательствомъ и нападеніемъ на личную свободу, на независимость личнаго убѣжденія. Такимъ образомъ, о. Андрей очутился въ оппозиціи, до нѣкоторой степени, къ мѣстной администраціи, слишкомъ горячо, хотя и своеобразно, принимавшей къ сердцу интересы православія... Воинскимъ начальникомъ въ ту пору былъ какой-то пѣмецъ или англичанинъ, не сильный, конечно, въ знаніи исторіи края и его развитія. И вотъ, въ 1864 г., въ домѣ, занимаемомъ о. Андреемъ, ставятъ военный постой... поселили какого-то офицера. Постойлецъ объяснилъ, что ему велѣно жить въ этомъ домѣ (домъ былъ наемный); на какомъ основаніи это дѣлалось—не можемъ-моль знать. Трудно себѣ вообразить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на о. Андрея и его семейство; едва они успѣли порадоваться, что пережили польское возстаніе, какъ совершенно неожиданно увидѣли опасность съ той стороны, съ которой менѣе всего могли ее ожидать... О. Андрей былъ словно громомъ пораженъ этою неожиданностью и растерялся на первыхъ порахъ,—что и не удивительно, при той мнительности, какая развилась у него въ послѣднее время. „Вы думаете, это шутки—говорилъ онъ женѣ и дочери—нѣтъ, это сущая бѣда: меня могутъ убить или зарѣзать, а васъ соплотъ въ далекія края... послѣ этого можно всего ждать“. Но черезъ нѣсколько дней онъ оправился и рѣшился дѣйствовать; пошелъ къ воинскому начальнику и просилъ его выдать ему дозволеніе на проѣздъ въ Вильно. Когда начальникъ сталъ спрашивать его, для чего ему нужно быть въ Вильнѣ, о. Андрей прямо сказалъ, что хочетъ жаловаться на него: на какомъ основаніи онъ поставилъ въ его домѣ военный постой? Находчивый начальникъ объяснилъ, что это одно недоразумѣніе, что постой назначенъ не въ домѣ о. протоіерея, а въ домѣ Р....ча (хотя ни дома о. протоіерея, ни Р....ча въ г. Пружанахъ—не было на лицо!) и что онъ-моль не знаетъ, что этотъ домъ занятъ о. протоіереемъ. Постой, конечно, отмѣненъ, и о. Андрей не считалъ удобнымъ начинать изъ-за этого судебное дѣло, но нерасположеніе и недоверіе къ пріѣзжимъ чиновникамъ, безъ сомнѣнія, нашли себѣ въ этомъ происшествіи довольно нищ. Но были еще другія непріятности и тревоги, крайне болѣзненно отзывавшіяся на о. Андрея. Послѣ подавленія возстанія, настала эпоха пожаровъ въ г. Пружанахъ; нѣсколько лѣтъ подъ рядъ этотъ бѣдный городишко выгоралъ по нѣскольку разъ, хотя и не возникалъ изъ своихъ пепелищъ, какъ фениксъ. Всѣ склонны были приписывать эти пожары поджогамъ; заведены ночные сторожа, для предупрежденія покушеній пиромановъ, но пожарная команда оставалась въ первобытномъ состояніи, а между тѣмъ пожары начинались иногда и среди бѣла дня. Дошло до того, что пружанца жили въ большемъ страхѣ, чѣмъ какой испытываютъ жители бомбардируемыхъ мѣстностей; въ большей части домовъ хозяева держали все свое имущество сложеннымъ въ сундуки и связаннымъ въ узлы, чтобы въ случаѣ пожара легче было выбираться изъ города, и все таки, не смотря и на эту предосторожность, они были совершенно безпомощны. Такъ, когда въ 1865 г., въ концѣ іюля, въ полдень, загорѣлось на вобринской улицѣ, то жи-

тели шершевской улицы, образующей съ первую прямой уголъ, хотя немедленно узнали о несчастіи, не имѣли средствъ избавиться отъ грозившей опасности. Все искусство, въ улакахъ и сундукахъ, было вытаскано изъ домовъ на улицу, но спасти его было бы крайне трудно, за немѣнимъ подводъ; евреи и еврейки бѣгали, какъ угорѣлые, воили, рыдали, заламывали руки, зывали къ небу о спасеніи своего достоянія, своихъ бѣдныхъ домовъ и убогаго скрапа; а огонь, между тѣмъ, дѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ, истребляя одинъ домъ за другимъ и перешелъ съ кобриянской на селецкую улицу, впадающую въ первую со стороны противоположной шершевской; горящихъ домовъ и не думали отставать, смотрѣли только, какъ они горятъ, а сосѣдній гостинный дворъ предохраняли отъ залетавшихъ на него искръ и голевенъ грязью, которую загребали руками съ мостовой и забрасывали на крыши угрожаемыхъ огнемъ зданій. О. Андрей тѣмъ болѣе тревожился всѣмъ этимъ, что получилъ передъ тѣмъ нѣсколько подметныхъ писемъ, наполненныхъ угрозами.

Всѣ эти непріятности и тревоги такъ разстраивали о. Андрея, что онъ сталъ серьезно подумывать, какъ бы найти себѣ укромное мѣстечко гдѣ либо въ селѣ, подальше отъ злосчастнаго города и его общества. Все рушилось, горѣло, перестраивалось, являлись новые люди, новые принципы, новые порядки; старому человѣку трудно было все это переваривать и со всѣмъ мириться, и онъ съ радостью уступилъ бы мѣсто новымъ дѣятелямъ, поселившись самъ гдѣ либо въ селѣ; но его удерживало на старомъ мѣстѣ отчасти семейство, отчасти начальство. Иосифъ Сѣманко, самъ старій и больной, не забывалъ своего вѣрнаго сподвижника и поддерживалъ своимъ вниманіемъ; и теперь, когда о. Андрей отпрашивался на покой въ село, митрополитъ стговаривалъ его этого шага, зная, что у протоіерея нѣтъ своихъ средствъ къ жизни, кромѣ жалованья, одобрялъ его и уговаривалъ еще послужить церкви Божіей, и послѣ поѣздки въ Вильно о. Андрей возвращался болѣе бодрымъ и свѣжимъ, оставлялъ мысль о переселеніи на сельскій приходъ и снова дѣятельно принимался за свою службу. Но вотъ, Иосифъ Сѣманко умеръ. Нечего и говорить, сколько горя было въ этомъ событіи для о. Андрея. Новый Литовскій Архіепископъ, съ своей стороны, не оставилъ старика безъ вниманія, и по его представленію, о. Андрей получилъ, въ 1869 г., орденъ св. Анны 2-й ст., но это не могло заставить стараго человѣка отказаться отъ давняшняго своего желанія уклониться отъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, по благочинію. И вѣтъ, въ томъ же году, пользуясь введеніемъ въ Литовской епархіи, по просвѣщенной инициативѣ нынѣшняго ея Архіепископа, выбора благочинныхъ самимъ духовенствомъ, о. Андрей не изъявилъ согласія баллотироваться въ благочинные и сдалъ дѣла благочинному, избранному духовенствомъ. Такимъ образомъ, отказавшись ранѣе отъ обращенія католиковъ въ православіе, старикъ оставилъ и ту дѣятельность, которую занимался 30 лѣтъ (съ 1834 по 1840 и съ начала 1847 по 1869 г. влючительно) и занимался весьма добросовѣстно и успѣшно, посвящая ей весьма много времени.

Здѣсь естественно представляется вопросъ: что сказать вообще о дѣятельности о. Андрея по воссоединенію униатовъ съ православіемъ и по управленію благочиніями? Судя по тому, какъ относился онъ къ присоединенію католиковъ къ православной церкви, надо заключить, что о. Андрей не былъ пропагандистомъ и поборникомъ вѣроисповѣднаго прозелитизма. Если онъ ревностно занимался дѣломъ воссоеди-

ненія униатовъ, то это означало лишь, что въ этомъ воссоединеніи онъ дѣйствительно не видѣлъ переменъ вѣры, а только измѣненіе обрядовой вышности, поческу и считаль его дѣломъ по преимуществу административнымъ. Понимаемое въ этомъ смыслѣ, преобразование униатской обрядности зависѣло главнымъ образомъ отъ духовенства и отчасти отъ прихожанъ. Коль скоро униатскій священникъ могъ согласиться съ законностью и правильностью такого преобразования, то уже представлялось дѣломъ второстепеннымъ, какими средствами онъ найдеть болѣе сподручнымъ для себя воспользоваться для этого. Люди дѣловые, видя дѣятельное участіе русскаго правительства къ судьбѣ униатовъ, находили разумнымъ прямо опираться на его авторитетъ. Вотъ почему о. Андрей такъ рѣшительно дѣйствовалъ при переустройствѣ Романовской церкви. Вообще, дѣятельность о. Андрея была успѣшна, какъ это признано преосвящ. Иосифомъ Сѣманко и засвидѣтельствовано цифрою переустроенныхъ, въ теченіи менѣе года, церквей. Что же касается частнаго случая, произшедшаго въ Романовѣ, то онъ возникъ преимущественно отъ несущественныхъ причинъ, не вполне зависѣвшихъ отъ о. Андрея. Собственно благочинническая дѣятельность о. Андрея, сколько я понимаю, была безупречна. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ упущеній, былъ строгъ и настойчивъ въ отношеніи къ другимъ; упрековъ въ несправедливости и пристрастіи, сколько мнѣ извѣстно, онъ ни отъ кого не заслужилъ, напротивъ—у всѣхъ почитался образцомъ точности и исполнительности. Если онъ бывалъ суровъ, то за то—прямо и рѣшителенъ, онъ не страшился отвѣтственности за свои распоряженія и не стѣснялся крѣпко отстаивать слабыхъ и обижаемыхъ отъ сильныхъ и обидчиковъ.

Арсеній Анахоретовъ.

(Продолженіе впереди).

Телеграммы его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Горнаго-Студеня, отъ 11-го августа, 7 часовъ 25 мин. пополудни.

I.

Вчера, 10-го августа, турки атаковали значительными силами Аясларъ и оттѣснили оттуда два батальона. Командиръ 13-го корпуса приказалъ генералу Прохорову взять ту позицію обратно. Приказаніе это, было въ 10 часовъ вечера, точно исполнено. Софійскій полкъ занялъ позицію съ бою. Потеря въ 23 человѣка. Всю ночь продолжалась перестрѣлка.

Сегодня, утромъ, непріятель снова атаковалъ позицію нашу у Аяслара, но, будучи три раза блистательно отбитъ на всѣхъ пунктахъ невскимъ, софійскимъ и болховскимъ полками отступилъ. Ожидается новая атака.

Сегодня, въ 8 часовъ утра, турки снова атаковали Шибку, первая атака была отбита. Бой продолжается.

II.

Отъ 11-го августа, въ 8 часовъ 32 мин. пополудни.

Генералъ Дорожинскій доноситъ съ Шибки: послѣ 10-ти отбитыхъ приступовъ, 9-го августа, производившихся до глубокой ночи, турки, 10-го августа, въ 5 часовъ утра, начали перестрѣлку и, перѣбывая атаковать открыто, устро-

или двѣ батареи дальняго боя и подвигаются траншеями. Перестрѣлка прекратилась вчера, въ 7 часовъ вечера.

Ночью, съ 10-го на 11-е августа, изъ непріятельскихъ траншей открыли стрѣльбу, но наши не отвѣчали.

Наши потери, 9-го августа, 200 человекъ; 10-го августа значительно меньше. Со стороны Османъ-базара, Ловчи, Плевны—все спокойно.

У Каракіой вчера турки наступили, но были-ли столкновенія, неизвѣстно.

III.

Отъ 12-го августа, въ 3 часа 20 мин. утра

11-го августа бой на Шибкѣ завязался въ 4½ часа утра и продолжался съ ужаснымъ ожесточеніемъ до полудни. Нѣсколько отчаянныхъ турецкихъ атакъ было отбито и наши герои не уступили ни одного шага. Въ 12-ть часовъ огонь сталъ замирать; генералъ Радецкій сталъ подходить съ резервами. Что было дальше, пока не извѣстно. 11-го августа потеря у насъ большая.

Изъ Горнаго-Студеня, отъ 12-го августа, въ 12 часовъ 10 мин. дня.

I.

11-го августа, съ ранняго утра, турки ожесточенно атаковали Шибку съ трехъ сторонъ громадными силами, наши герои отбивали всѣ атаки, не уступая позиціи; подвезенные на казачьихъ лошадяхъ стрѣлки выручили. Въ 6 часовъ вечера подошла вся 4-я стрѣлковая бригада съ шестью орудіями и тотчасъ вступила въ бой. Въ 9 часовъ вечера, 16-й стрѣлковый батальонъ съ боя взялъ высоту передъ правымъ флангомъ нашей позиціи. Упорный бой продолжался до полуночи, когда наступило лунное затмѣніе; но канонада продолжалась и во время затмѣнія. Наши отстояли всѣ позиціи, несмотря на громадный численный перевѣсъ непріятеля и на убійственный перекрестный огонь. Это былъ третій день геройской защиты Шибки противъ всей арміи Сулеймана-паши. Войска наши четыре дня не имѣли горячей пищи и четыре ночи не спали. Ночью должны были прибыть къ намъ на Шибку значительныя подкрѣпленія.

Сегодня, 12-го августа, около 4-хъ часовъ утра, бой возобновился, судя по выстрѣламъ, слышимымъ въ Габровѣ, но, какъ кажется, прекратился, потому что выстрѣловъ въ Габровѣ больше не слышать.

Вчера, 11 августа, послѣ отбитыхъ утреннихъ атакъ, турки, послѣ полудня, возобновили атаку на Аясларъ значительными силами и принудили наши войска отступить на позицію у Султанкіоя.

Отъ Ловчи и Плевны непріятельскаго наступленія вчера не было.

II.

Отъ 12-го августа, въ 9 час. 5 мин. вечера.

Сегодня, 12-го августа, бой на Шибкѣ ограничивался перестрѣлкою, но весьма жаркою. Левый флангъ турокъ сбить и два орудія, дѣйствовавшія въ тылу нашей позиціи, убраны.

Отъ 13-го августа, въ 12 час. 30 мин. дня.

Вчера горячая перестрѣлка продолжалась цѣлый день и ослабѣла только вечеромъ; наши удержали всѣ свои позиціи.

Потери значительныя: раненыхъ за четыре дня боя вывезено въ Габрово 27 офицеровъ и около 900 нижнихъ чиновъ; о числѣ убитыхъ нѣтъ свѣдѣній.

Сегодня, 13 августа, въ 9 час. утра, снова началась сильная канонада на Шибкѣ. Это пятый день боя.

Атака наша на Аясларъ, послѣ 11 августа, не возобновлялась; турки сосредоточили тамъ большія силы и окопались. Наши войска стянуты на позицію въ виду турокъ.

Въ двухъ сраженіяхъ при Аясларѣ, 11 августа, мы потеряли убитыми 1 офицера и 66 нижнихъ чиновъ; ранеными 11 офицеровъ и 274 нижнихъ чиновъ. Противъ Плевны и Ловчи все спокойно.

Отъ 13-го августа, въ 8 час. 10 мин. вечера.

I. Сегодня, 13 августа, на Шибкѣ пятый день боя начался въ 9 часовъ утра и идетъ съ страшнымъ ожесточеніемъ. Наши войска стоятъ крѣпко. Нѣсколько сильнѣйшихъ атакъ геройски отбиты.

Генералъ Дорожинскій, управлявшій первые три дня обороной Шибки, погибъ сегодня геройскою смертью.

II.

Отъ 13 августа въ 12½ час. дня.

У насъ ранены въ сраженіяхъ на Шибкѣ до вчерашняго вечера: генералъ Драгомировъ, въ правую ногу на вылетъ, не опасно; флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій; генеральнаго штаба: подполковникъ Ренкевичъ и капитанъ Мальцевъ; 16-го стрѣлковаго батальона: подполковникъ Худяковъ и прапорщикъ Туровъ; 13-го стрѣлковаго батальона: капитанъ Неппенстремъ, штабсъ-капитанъ Кондрацкій, поручикъ Коронелли и прапорщикъ Александръ Иваненко; 14-го стрѣлковаго батальона штабсъ-капитанъ Червинскій; Житомирскаго полка капитанъ Вѣлоусовъ; Брянскаго полка: подполковникъ Швабъ, маіоръ Молоствовъ, подпоручикъ Денисовъ, Кякинъ и прапорщикъ Кончаловъ; Орловскаго полка поручикъ Балясный и подпоручикъ Чертеговъ.

Отъ 14-го августа, въ 8 ч. 55 м. вечера.

13-го августа, наши удержали позицію на Шибкѣ; потеря 30 офицеровъ, 400 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Бой продолжался отъ девяти часовъ утра до десяти вечера. Ночью турки возобновили бой свѣжими войсками и отчаянная борьба продолжается до сихъ поръ, по свѣдѣніямъ, отъ 12 часовъ пополудни 14 августа. Наши держатся.

(Правит. Вѣст.).

Содержаніе № 34.

ПРАВИТ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Высочайшее повелѣніе. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Назначенія. Перемѣщенія. О созваніи Епархіальнаго съѣзда. Указъ консисторіи. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Святотатство. Рукоположеніе. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Слово. Рѣчь. Прот. А. С. Червяковскій. Телеграммы.

Предыдущій № оданъ на почту 14-го Августа.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.